

О. А. Остапчук (Москва)

**ТЕНДЕНЦИИ ГРАММАТИЧЕСКОЙ
НОРМАЛИЗАЦИИ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА
В ПОСОБИЯХ О. КУРИЛО
И О. СИНЯВСКОГО (1920-е гг.)**

1. Введение. Цели и задачи статьи

В статье кодификация понимается как процесс, направленный на регулирование языкового употребления в конкретный период времени; точнее — как «деятельность по подготовке нормативной орфографии, грамматики и словаря, которыми будут руководствоваться в своей письменной и устной речи члены неоднородных речевых коллективов»¹ (Haugen 1959: 8). Особая роль в процессе языкового планирования (регулирувания) отводится личностям кодификаторов, непосредственно участвующих в выработке и реализации стратегии языкового изменения (Хауген 1975: 441, 471–472). Так, именно активное участие в культурно-языковых проектах в Украине второй декады XX в. таких ярких

¹ *the activity of preparing a normative orthography, grammar, and dictionary for the guidance of writers and speakers in a non-homogeneous speech community* (здесь и далее перевод наш. — О. О.).

представителей национальной интеллигенции, как О. Курило² и О. Синявский³, имевших необходимый для проведения реформ в языковой сфере научный авторитет, а также исследовательский и педагогический опыт, обеспечило масштабность предлагаемых проектов по кодификации украинского литературного языка и успех в их реализации. Важно отметить, что, по верному замечанию Ю. Шевелева, «их работа опиралась не на фантазии и субъективные прихоти, а на факты и тенденции развития живого народного и интеллигентского языка»⁴ (Шерех 1954: 44). Их творческое наследие, по политическим причинам исключенное из научного оборота на долгие годы, лишь относительно недавно вновь стало частью украинистического дискурса благодаря усилиям нового поколения исследователей (Вакуленко, Глипа 2010; Мельник 2010; Черемська 2017; Попович 2018). Основной задачей настоящей статьи является попытка сопоставления кодификационных инструментов, выработанных О. Курило и О. Синявским, в сфере грамматики, которые — в отличие от лексики, фразеологии

² Олена (Елена Борисовна) Курило (1890 — после 1946) — видный украинский языковед, представитель Киевской (этнографической) лингвистической школы, с 1921 г. — научный сотрудник ВУАН, принимала активное участие в кодификации украинской грамматики и разработке научной терминологии, автор пособий по украинской грамматике, ряда терминологических словарей, а также теоретических работ по украинской диалектологии, фонетике и синтаксису; осуждена по сфабрикованным обвинениям (арест в 1933 г., арест и ссылка в 1938 г.), позже реабилитирована (Шевельов 2000а; Муромцева 2007).

³ Олекса (Наумович) Синявский (1887–1937) — выдающийся украинский языковед, представитель Харьковской лингвистической школы, фактический редактор окончательной версии орфографического свода «Украинская орфография» (*Український правопис*) (1928), автор целого ряда прескриптивных пособий по украинскому языку, а также теоретических работ по украинской фонетике и грамматике; жертва сталинского террора, реабилитирован в 1957 г. (Шевельов 2000б; Жовтобрюх 2007).

⁴ *Їхня праця спиралася не на фантазії та суб'єктивні забаванки, а на факти і тенденції розвитку живої народної та інтелігентської мови.*

и стилистики — не были предметом отдельного анализа, однако именно они в большинстве своем сохранили свою актуальность вплоть до настоящего времени. Программные декларации лингвистов и более поздние суждения о их научном наследии сопоставляются с материалом подготовленных ими грамматических пособий («Заметки о современном украинском литературном языке» — «*Уваги до сучасної української літературної мови*» (Курило 1960)⁵ и «Нормы украинского литературного языка» — «*Норми української літературної мови*» (Синявський 1941)⁶). С этой целью привлекаются малоизвестные материалы лингвистической полемики 1920-х гг., призванные пролить дополнительный свет на суть нормализаторских взглядов О. Курило и О. Синявского в сфере грамматики.

2. Общая характеристика языковой ситуации до начала 1930-х гг.

Начало формирования нового литературного стандарта на народно-разговорной основе большинство исследователей украинского языка относят к концу XVIII — началу XIX в., что, как правило, увязывается с фактом перерыва в культурно-письменной традиции (Русановский 1998; Жовтобрюх, Молдован 2005). В то же время, как показал, в частности, анализ письменных источников XVIII в., произведенный А. Даниленко, процесс становления украинской нормы носил скорее эволюционный, чем революционный характер и предполагал синтез лингвистических средств, унаследованных

⁵ В статье использовано издание пособия, выпущенное в 1960 г. в Торонто, со вступлением от редакции и выдержками из биографического очерка Ю. Шевельова (Шерех 1954). Оно воспроизводит 4-е издание книги, вышедшее в 1942 г. (Краков-Львов), которое содержит, помимо вводных статей от автора, О. Курило, ко 2-му (1923) и 3-му (1924) изданиям, также (неподписанное) «Вступне слово», как было позже установлено, авторства В. Симовича (Шерех 1954: 51).

⁶ Нами использована электронная версия репринтного издания пособия, выпущенного во Львове в 1941 г., со вступлением В. Симовича и небольшими поправками, в целом повторяющего издание 1931 г.

из старой письменной традиции, а также почерпнутых из других языковых регистров (Danylenko 2008). В XIX в. из-за неблагоприятной языковой ситуации на большинстве украинских земель, находившихся в составе различных государств, оформление нормы проходило по сути автономно, а ограничительные меры (в частности, в Российской империи) препятствовали коммуникативной эмансипации украинского языка. Существенно, что в различных сегментах языка нормализация протекала неодновременно: так, если образцовые для новой нормы тексты появлялись на разных украинских территориях (как на Левобережье, так и в Галиции) уже начиная с конца XVIII — в начале XIX в., то создание нормирующих словарей датируется лишь концом XIX — началом XX в. (ср. словари Е. Желеховского в Галиции и Б. Гринченко (1905–1907) в Центральной Украине), а грамматическая кодификация фактически была завершена лишь в 1920-е гг. (Остапчук 2013: 634–635).

Модель языкового планирования, разработанная Э. Хаугеном (Хауген 1959; Хауген 1975), предполагает постепенное развитие инструментов кодификации. Так, выделяется два этапа нормализации: на первом из них (так называемая стандартизация) происходит отбор языковых средств в культурной практике и их последующая оценка языковым коллективом. На втором этапе нормализации происходит выработка лингвистической процедуры (кодификация в узком значении слова), включающей отбор и научное описание основных средств регулирования речевого поведения с учетом принципа правильности (нормативности) и соотнесенности с узусом (Гладкова, Ликоманова 2008: 197). Так, на первом этапе развития украинского стандарта выработка норм происходила в художественных (реже и позже других жанров и стилей) текстах путем индивидуально-авторского отбора языковых средств из фольклорного (диалектного) узуса, которые благодаря высокой оценке в (национальном) языковом коллективе в дальнейшем выполняли роль своеобразных языковых образцов. Предшествование норм, апробированных в культурно-языковой практике (в том числе в образцовых текстах национальных писателей), лингвистической кодификации как таковой объединяет украинский язык с большинством литературных языков «нового» типа (белорусским, македонским и под.) (Мечковская 2003: 90–91).

Условия для полноценного развития единого литературного стандарта сформировались только начиная с периода 1917–1919 гг., когда в ходе строительства украинского национального государства стало возможным утверждение официального статуса языка, что сопровождалось существенным расширением сферы его функционирования, ранее ограниченной преимущественно художественной и культурно-просветительской сферой; именно развитие функционального разнообразия стало основным итогом первого послереволюционного периода в истории украинского языка в XX в. (Шевельов 1998: 57–70). Постепенное введение украинского языка на Советской Украине после 1919 г. в систему школьного образования и администрирования (Там же: 71–88) привлекло внимание ученых и популяризаторов науки к проблеме его преподавания и нормирования. Однако только с середины 1920-х гг., в эпоху так называемой украинизации⁷, получившей довольно неоднозначную оценку, в том числе из-за своего декларативного характера (Там же: 101⁸; Масенко 2004), развитие и утверждение украинской литературной нормы ознаменовалось качественным скачком, отмеченным во всех сферах кодификации. Аналогичные процессы в этот период характерны были также

⁷ Временные рамки политики украинизации устанавливаются нечетко: 1923–1929 (Шевельов 2013), 1925–1932 (Шевельов 1998: 89), ср. также определение без точного указания дат: «Временная политика ВКП(б), осуществлявшаяся в 1920 — начале 1930-х гг. с целью укрепления советской власти на Украине путем уступок в виде введения укр. языка в школу, прессу и другие сферы культурной жизни, а также в администрацию — как гос. языка республики» (*Тимчасова політика ВКП(б), здійснювана в 1920 — на поч. 30-их рр. з метою зміцнення сов. влади на Україні засобами поступок у вигляді запровадження укр. мови в школі, пресі й ін. ділянках культ. життя, а також в адміністрації — як держ. мови республіки*) (Жуковський 2000: 3327).

⁸ «Украинизация была процессом двусторонним. Одновременно с усилиями, направленными на распространение украинского языка, предпринимались попытки принизить украинскую культуру, а с ней и язык» (*Українізація була процесом двобічним. Рівнобіжно до заходів, спрямованих на поширення української мови, робилося зусилля знизити українську культуру, а з нею й мову*).

для белорусского языка (Запрудскі 2013), хотя нельзя не отметить их подчиненность задачам создания культуры, «национальных по форме, пролетарских, социалистических по духу»⁹.

Основными проводниками стремительных изменений в языковой сфере в 1920-е гг. стали специально созданные (впервые в истории украинского языка) институты. Так, в это время в рамках Всеукраинской Академии наук (ВУАН), образованной еще в 1918 г. (Шевельов 1998: 85; УАН 2000), действовали уже как минимум четыре специализированных институции, отвечавшие за развитие и нормирование различных сфер украинского языка: Институт украинского научного языка, а также Комиссия для составления исторического словаря, Комиссия для составления словаря живого украинского языка и — что особенно важно для нашей темы — Комиссия нормативной грамматики украинского языка (Жовтобрюх 1991: 106–109; Скопненко 2007: 16). Выработка специалистами научных инструментов регулирования речевой практики на разных уровнях языка, а также разнообразные формы популяризации нормы, включая школьные и академические грамматики и словари, знаменовали переход нормализации на качественно новый уровень: к кодификации в узком значении слова.

Деятельность лингвистических институций в сфере кодификации, вопреки непростым бытовым и материальным условиям, довольно скоро принесла свои плоды. Весьма ощутимыми были достижения в сфере словарной кодификации: так, усилиями Института украинского научного языка ВУАН (создан в 1921 г.) (Масенко 2004: 21–22) было подготовлено около 50 терминологических словарей переводного типа, которые, однако, не смогли сыграть отведенной им нормализаторской роли

⁹ Тезис о специфике периода «развернутого строительства национальных культур», сформулированный в докладе И. Сталина на XVI съезде ВКП(б) (1930), кочует из документа в документ того времени, недвусмысленно определяя лейтмотив языковой политики всего десятилетия (Українська мова 2005: 39). Здесь и далее для иллюстрации процессов, происходивших в языковой сфере, мы используем, в частности, документы, опубликованные в сборнике, изданном в 2005 г. под редакцией известного украинского социолингвиста, проф. Л. Т. Масенко.

из-за последовавших в 1930-е гг. репрессивных мер в отношении как создававших их лингвистов, так и их лексикографических трудов¹⁰. Важное значение для практической реализации задач языкового строительства на Советской Украине имело также издание сводного проекта «Украинская орфография» (*Український правопис*) (Харків, 1926) и его дальнейшее обсуждение, завершившееся в 1927 г. созывом в Харькове Всеукраинской конференции. Основной орфографический кодекс страны «Украинская орфография» был утвержден наркомом образования Н. Скрипником в сентябре 1928 г. (Українська мова 2005: 105–106), а спустя некоторое время одобрен также на заседании Научного общества им. Т. Шевченко во Львове, что знаменовало важный этап в создании единой украинской нормы, ставшей компромиссом по отношению к восточно- и западноукраинской культурно-письменной традиции (Німчук 2002: 10–12; Шевельов 1998: 97–98).

Работа по реформированию и унификации украинской орфографии наглядно продемонстрировала важную отличительную особенность советской языковой политики: стремление не только активно влиять на статусные параметры функционирования языка, но и контролировать внутреннюю структуру языка. Важно отметить, что директивные методы управления языковой сферой, как верно заметил белорусский исследователь этого периода в языкознании С. Запрудский, на начальном этапе приветствовались представителями местной культурной и научной элиты (и белорусской, и украинской), поскольку полностью отвечали их представлениям о языковом идеале и позволяли быстро реализовать довольно смелые идеи и проекты (Запрудскі 2013: 113). Однако период экспериментирования в самых разных сферах языка в 1920-е гг. уже в 1930-е гг. сменился эпохой запретов и весьма жесткого регулирования (Там же: 218–226).

¹⁰ О словарной работе в рамках академических институтов см. (Жовтобрюх 1991: 113–119), о начале репрессий в Академии наук (Шевельов 1998: 100).

3. Выработка грамматической нормы в 1920-е гг.

Остановимся более подробно на первом из названных периодов (1920-е гг.), который стал для украинской кодификации эпохой активного творческого поиска и утверждения нового языкового идеала, в том числе в сфере грамматики.

Осознание незавершенности кодификации, в том числе грамматической, было частью лингвистической повестки дня, нашедшей свое выражение в том числе в создании особой государственной Комиссии нормативной грамматики. Развитие национальной школы, необходимость преподавания украинского языка — детям, но также и взрослым, в том числе в рамках программы по ликвидации неграмотности, а также введение предметов на этом языке в вузах создало насущную потребность в учебниках и пособиях. Начиная с 1917–1918 гг., издается большое количество учебной и научно-популярной грамматической литературы: так, только за 1918 г. вышло 15 разнообразных грамматических пособий (Жовтобрюх 1991: 27); количество учебных грамматических изданий доходит к 1920 г., по некоторым данным, до 60: «Широкий рынок сбыта пособий является опосредованным свидетельством того, что украинский язык обретает вес, по крайней мере как потенциальное средство общения, и что его престиж, очевидно, растет»¹¹ (Шевельов 1998: 65). О востребованности учебной литературы свидетельствует также количество переизданий: одним из чемпионов по числу изданий стал выпущенный в 1918 г. практический учебник «Начальная грамматика украинского языка» (*Початкова граматики української мови*) О. Курило, который за период до 1924 г. переиздавался как минимум семь раз¹². Ее более поздние «Заметки о современном украинском литературном языке» (1920) выходили

¹¹ *Широкий ринок збуту посібників є посереднім свідченням того, що українська мова набирає ваги бодай як потенційний засіб спілкування та що її престиж, очевидно, зростає.*

¹² Ю. Шевелев в своей библиографической заметке, посвященной О. Курило, отдельно указывает, что первая часть учебника переиздавалась 11 раз в период с 1918 по 1926 г., а вторая — 7 раз с 1918 по 1924 г. (Шерех 1954: 44–45).

из печати еще дважды: в 1923 и 1925 гг. с существенными дополнениями, превратившими краткое научно-популярное пособие в универсальный грамматический справочник с основательным научным аппаратом. Многократно переиздавались также учебные пособия, подготовленные О. Синявским, который имел собственный богатый опыт преподавания как в учительской, так и в студенческой аудитории (в Харькове, в том числе на учительских курсах, и в Киеве — в университете и в педагогическом институте): «Краткий очерк украинского языка» (*Короткий нарис української мови*) (1918)¹³, «Справочник по украинскому языку» (*Порадник української мови*) (1922), «Украинский язык» (1923)¹⁴, «Нормы украинского литературного языка» (1931). Помимо общеметодических пособий по украинскому языку, этот период ознаменовался также появлением более специализированных работ, в частности С. Смерчинского «Очерки украинского синтаксиса» (*Нариси з української синтакси*) (1932), а также учебников для вузов с историко-лингвистической проблематикой: П. Бузука «Краткая история украинского языка. I: Введение и фонетика» (*Коротка історія української мови. I: Вступ і звучня*) (1924), «Очерк истории украинского языка: Введение, фонетика и морфология с добавлением исторической хрестоматии» (*Нарис історії української мови: Вступ, фонетика і морфологія з додатком історичної хрестоматії*) (1927), Е. Тимченко «Курс истории украинского языка. Введение и фонетика» (*Курс історії українського языка. Вступ і фонетика*) (1927).

¹³ Для всех пособий О. Синявского указана дата выхода первого издания.

¹⁴ Появление учебника на русском языке, основанного на сопоставительном принципе, не было чем-то исключительным в этот период. Авторы пособий, адресованных взрослой аудитории (в том числе учителям), справедливо полагали, что их потенциальные читатели не изучали систематически украинский язык, зато освоили необходимый грамматический минимум по-русски. Так, на русском языке были изданы такие известные пособия, как «Украинская грамматика» Н. К. Грунского (1918), «Практический курс украинского языка» Н. Д. Гладкого (1918), «Курс украинского языка» И. И. Огиенко (1918), «Украинский язык. Краткий очерк исторической фонетики и морфологии» (1919) С. М. Кульбакина и др.

В грамматиках 1920-х гг. многократно повторяется тезис о недостаточной нормированности языка и необходимости регулирования грамматической сферы. Так, например, автор популярного пособия «Заметки о современном украинском литературном языке» О. Курило во вступлении ко второму его изданию (1923) отмечает, что главное внимание уделяет ошибкам (*хибам*) в литературном языке (Курило 1960: 4). По мнению лингвиста, отход украинской литературной (также научной) речи от ее «естественного источника — народного основания» (*природнього джерела — народньої підстави*) делает ее неестественной и искусственной, затемняя мысль (Там же: 8). Автор отмечает факт неустойчивости украинской нормы, однако считает преимуществом ее принципиальную открытость, способность максимально учитывать возможности, предоставляемые народным языком.

В свою очередь, О. Синявский считает «чрезмерную пестроту нашего литературного языка из-за неустоявшихся форм» (*надмірне р'ябіння нашої літературної мови хисткими формами*) «существенным тормозом» (*великим гальмом*) развития литературного языка (Синявський 1926: 1), прямо заявляя о необходимости предотвращать эту «пестроту» (*р'ябіння*) и «разнородность» (*р'іжноманітність*), прежде всего в языке «делового, практического и научного» (*ділового, практичного і наукового*) характера. «Мы знаем для этого лишь один путь: максимально распространять знание украинского языка и таким образом готовить людей, которые думали бы, говорили бы и писали бы по-украински как следует» (Синявський 1922: VII)¹⁵. Свое самое известное практическое пособие «Нормы украинского литературного языка» он посвящает непосредственно школьным учителям и сопровождает его следующим эпиграфом: «Только там, где сходятся языковая природа и речевая культура, в школе, окончательно оформится единый общеукраинский литературный язык — чистый и прекрасный»

¹⁵ Ми знаємо до того тільки один шлях: якомога розповсюджувати науку української мови й таким чином підготувати людей, що думали б, говорили б і писали б по-українському як слід.

(Синявський 1941: 2)¹⁶. «Нормы...», оставаясь практическим учебником, знаменуют одновременно важный этап в развитии украинской лингвистической мысли и предлагают целый ряд теоретических принципов грамматической кодификации, которые сохранили свою актуальность, несмотря на изменение вектора языковой политики в 1930-е и последующие годы.

4. Критерии отбора языковых факторов: теория и практика языкового регулирования

Рассматриваемые грамматические пособия, как и многие предложения в сфере словарной кодификации украинского языка того времени, преследовали несколько задач. С одной стороны, необходимо было зафиксировать разнообразные системные варианты языковых фактов, что полностью согласовалось с общей демократизацией языка и основным духом процесса так называемой национализации культурной жизни, а с другой — дать нормативную оценку этих вариантов и помочь пользователям языка избежать ошибок в речевой практике. В своем понимании термина «языковое варьирование» мы идем за Г. П. Нещименко: «...тенденция языкового варьирования стимулирует разрастание вербальной материи за счет увеличения количества изофункциональных языковых средств, в том числе и со сходной деривационной комбинаторикой» (Нещименко 2003: 288). Варьированию противостоит явление языковой экономии, основной ареной реализации которой признается узус, где избыточные элементы смещаются на периферию системы или вовсе устраняются из нее (Там же: 290). Однако этому обычно предшествует нормативная оценка конкурирующих вариантов, непосредственно влияющая на решение вопроса об их правильности, уместности и стилистической маркированности, которая

¹⁶ *Тільки там, де сходяться мовна природа й мовна культура, в школі, остаточно сформується єдина всеукраїнська літературна мова — чиста та красна.* Этот тезис, кстати, прекрасно вписывается в модель языкового регулирования Э. Хаугена, считающего, что главным инструментом реализации языковых изменений является именно школа (Хауген 1975: 469).

приобретает особое значение в условиях неустойчивости и фрагментарности узуса, как это было в украинском случае.

Работа по кодификации украинской грамматики, приобретшая системный характер именно в 1920-е гг., потребовала, в частности, выработки объективных лингвистических ориентиров, задающих направление кодификации и предопределяющих выбор из конкурирующих в речи языковых фактов. При этом на первый план были выдвинуты следующие критерии, традиционно играющие ведущую роль при установлении языкового идеала (ср. Гузар 2003: 215–216) в конкретный период времени:

1) связь с тем регионом и диалектным ареалом, который оценивается как более престижный, и степень распространенности конкретного явления;

2) авторитетность тех носителей языка, которые используют определенный конкурирующий вариант, что означает фактически отбор образцовых текстов;

3) временная ориентация нормы (ретроспективная или перспективная), т. е. учет степени архаичности или новизны языкового элемента при установлении его узуального статуса, желательность / нежелательность актуализации устаревших форм и лексем и возможность / невозможность образования неологизмов с опорой на исконные элементы;

4) оценка конкурентных языковых средств с точки зрения их происхождения (исконное / заимствованное), а в случае заимствования установление престижности / непрестижности его источника.

Все эти критерии в том или ином виде фигурируют в работах украинских нормализаторов периода 1920-х гг., выстраиваясь в определенную иерархию, в чем-то индивидуальную для каждого из авторов. Рассмотрим последовательно отношение О. Курило и О. Синявского к выделенным аспектам нормирования.

4.1. Диалектный материал как источник нормы

В период 1920-х гг. особое значение приобрел вопрос о степени учета народного (этнографического, диалектного) элемента при оценке правильности / (стилистической) уместности языкового факта. Так, О. Курило, ссылаясь в своем понимании нормы

на работы ведущих европейских и отечественных лингвистов того времени, в том числе Ш. Балли, А. Потебни и др., впервые в украинской лингвистике использует термин *узус*, считая его главным регулятором языкового употребления. Неслучайно основным недостатком грамматического пособия М. Йогансена она считает слишком «обобщенные формулировки, где нет необходимых оговорок, где нет необходимых примеров» (*узагальнені формулювання уваг, де нема потрібних застережень, де нема належних прикладів*) (Курило 1923а: 251). При этом правильными признаются ею только те формы и обороты, которые согласуются с духом народного языка (Курило 1960: 10). «Чем больше украинская интеллигенция хочет помочь народу, освободить его из тьмы, поднять его культурный уровень, тем больше она должна использовать украинский народный язык, она должна учиться от народа высказываться его мыслями, его психологией языка научной правды. Таков единственный нормальный путь, по которому может идти развитие украинского литературного языка»¹⁷ (Там же: 8).

Внимание к этнографическому материалу отличает уже первое подготовленное ею практическое пособие, где грамматический материал иллюстрируется в том числе примерами из народных песен, пословиц, поговорок, сказок, описаний народных праздников и пр. (Курило 1921). Возможно, в этом крылся секрет популярности учебника О. Курило, который, по словам Ю. Шевелева, «не предлагал научной системы и не претендовал на строгую научность метода, — но он пробуждал любовь к своей стране и языку и прививал нормы этого языка»¹⁸ (Шерех 1954: 45). Внимание к живому народному материалу считает О. Курило несомненным

¹⁷ *Що більше українська інтелігенція хоче стати у пригоді народові, визволити його з темряви, піднести його культурний рівень, то більше вона повинна використовувати українську народню мову, вона повинна вчитися від народу висловлювати його думками, його психологією мови наукової правди. Такий є єдиний нормальний шлях, що ним може йти розвиток української літературної мови.*

¹⁸ *Він не давав науковій системи й не претендував на сувору науковість методи, — але він будив любов до своєї країни й мови й заціплявав норми цієї мови.*

достоинством и учебника Е. Тимченко, синтаксическую часть которого хвалит и за «метод, и за богатство материала, и за чудесные примеры, взятые по большей части из этнографических записей»¹⁹ (Курило 1919: 167). Во вступлении к третьему изданию своих «Заметок...» О. Курило особо подчеркивает важность привлечения в грамматическом пособии этнографического (прозаического) материала (Там же: 5), собранного, в частности, в годы ее работы в Этнографической комиссии при ВУАН (Шерех 1954: 40).

При этом О. Курило далека от слепого следования за диалектным узусом, она настаивает прежде всего на учете употребимости, распространенности форм и отмечает факт доминирования центральноукраинского элемента в литературном языке, предостерегая от появления в учебниках узкодиалектных форм. Такие формы она последовательно отмечает как нежелательные во всех своих рецензиях на труды коллег-лингвистов, включая О. Синявского (в частности, применительно к формам *вуси*²⁰ или *тію*, *цію* (Курило 1923б: 249)) и Е. Тимченко, которого считала своим учителем (Курило 1919: 167):

Местами... встречаем такие грамматические формы, которые нечасто использует наш литературный язык. В учебнике следовало бы как в отдельных формах слова, так и в целых высказываниях придерживаться чего-то определенного, постоянного. А поскольку основой нашего языка считается наиболее распространенный в литературе центральноукраинский диалект, то его и следует придерживаться в учебниках вообще,

¹⁹ Синтакса особливо цінна і своїм новим методом, і багатством матеріалу, і чудесними прикладами, взятими здебільшого з етнографічних записів.

²⁰ «Формы *вуса*, *рукава* стали уже настолько привычными в украинском литературном языке, что в учебнике не следовало бы давать к ним параллельные, узкодиалектные формы *вуси*, *рукави*» (Форми *вуса*, *рукава настільки вже набрали традиції в українській літературній мові, що в підручнику не слід-би давати до них паралельні, вузько діалектичні форми вуси, рукави*) (Курило 1923б: 249); заметим, что оценка второй из приведенных форм не согласуется с ее сегодняшней трактовкой (норм. *рукави*).

а особенно в учебнике грамматики, полностью избегая редких диалектных форм. Однако в нашем литературном языке существуют параллельно и менее употребимые формы, поэтому их следует дополнительно отмечать либо в скобках, либо в примечании к основным формам слова. В противном случае ни учитель, ни ученик не будут знать, какие именно формы использовать (Курило 1919: 166)²¹.

Важно отметить здесь, что именно факт распространенности того или иного явления служит для О. Курило решающим критерием для установления иерархии языковых единиц и маркирования нежелательных (нераспространенных) форм:

Указывая ту или иную правильную форму и противопоставляя ее ошибочной, я иду путем индукции: исходным пунктом для меня является распространенность данного языкового явления в народном языке и в языке лучших знатоков украинского слова, и я пытаюсь опустить все, что могло бы свидетельствовать о субъективном пристрастии (Курило 1960: 11)²².

Суть кодификаторского подхода О. Синявского опирается на понимание нормы как динамического процесса, также тесно связанного

²¹ *Місяцями подобиємо в граматиці такі граматичні форми, яких нечасто вживає наша літературна мова. В підручнику слід би було як в окремих формах слова, так і в цілих висловах держатися чогось певного, сталого. А що за основу нашої мови вважається найбільш поширений в літературі центрально-український діалект, то його й слід держатися в підручниках взагалі, а особливо в підручнику граматики, цілком обминаючи рідких діалектичних форм. Але в нашій літературній мові існують паралельно й менш вживані форми, тому слід їх тільки зазначати чи то в дужках чи то в увазі до головних форм слова. В протилежному разі ані вчитель, ані учень не знатимуть, яких саме форм вживати.*

²² *Вказуючи на ту чи іншу поправну форму проти хибної, я йду шляхом індуктивним: за вихідний пункт маю поширеність даного языкового явища в мові народній та в мові кращих знавців українського слова і намагаюся обминути те все, що могло б відбивати суб'єктивну впадою.*

с узусом, но узусом специфическим, контролируемым, прошедшим процедуру экспертного отбора:

Разумеется, жизнь, повседневный узус, будет лучшим регулятором в создании относительного единства [языка], со временем само по себе отпадет то, что не нужно, другое инкорпорируется и не будет ощущаться больше, как что-то неестественное. Но прежде чем это произойдет, для тех, кто прошел неукраинскую школу, необходимо собрать в систематический указатель хотя бы самое основное из того, что должно составлять относительное единство современного книжного языка (Синявський 1922: VII)²³.

В отличие от О. Курило, харьковский исследователь гораздо меньше внимания уделяет диалектному и этнографическому материалу; ссылки на говоры в его работах можно считать спорадическими, и касаются они чаще всего отдельных морфологических форм или языковых фактов, в случае, когда надо подчеркнуть их маргинальный, маркированный характер²⁴. При этом он так же твердо стоит на позициях наддиалектного характера литературного языка, считая, что кодификаторам следует «синтезировать

²³ *Певна річ, життя, повсякденний узус, буде найкращим регулятором у виробленні релятивної єдності; з часом само по собі відпаде те, що непотрібне, інше заінкорпорується і не відчуватиметься вже, як щось неорганічне. Але поки це буде, повстає для тих, що пройшли неукраїнську школу, потреба — зібрати в систематичний покажчик хоча б щонайголовніше з того, що повинно становити релятивну єдність сучасної книжної мови.*

²⁴ «В отдельных говорах даже и нет уже слов *дівча*, но есть *дівчина* и *дівчата*» (*В окремих говорах навіть уже й немає слова дівча, але є дівчина і дівчата*) (Синявський 1941: 50). «В поэзии, в народных песнях и в некоторых выражениях такие краткие прилагательные используются несколько шире, там можно встретить еще и такие, как *велик, дрібен, дивен, жив, здоров, немочен, недуж, стар, молод, щаслив, ясен* и некоторые другие» (*У поезії, в народніх піснях та в деяких виразах такі короткі прикметники вживаються трохи ширше, там можна подибати ще й такі, як велик, дрібен, дивен, жив, здоров, немочен, недуж, стар, молод, щаслив, ясен і деякі інші*) (Там же: 52).

долгий и трудный процесс создания украинского литературного языка в сфере правописания, фонетики, морфологии; нормировать, что можно и нужно, не нарушая его междиалектного характера. Как известно, в новом украинском литературном языке есть элементы разных народных наречий, хотя и с преобладанием юго-восточных элементов»²⁵ (Синявський 1926: 1).

4.2. Нормирование и образцовые тексты

Много внимания уделяли лингвисты 1920-х гг. установлению корпуса текстов и набора имен авторов, способных выступить в качестве образца для современной им речи. О. Курило в числе критериев отбора правильных форм среди многочисленных параллельных вариантов народно-диалектного языка особо выделяет практику словоупотребления у «лучших» украинских писателей XIX в.:

Как же приблизить украинский литературный язык к народному, как сохранить его «дух», его индивидуальные приметы? Как научиться думать по-украински и не сбиваться на чужое? Нужно внимательно читать украинских классиков слова, учитывать их язык, отмечать в нем свое, украинское... Чутье языка у наших лучших представителей слова идет, как правило, одним путем: оно выделяет свое, особенное. Так стилизовали украинский народный язык Квитка-Основьяненко, Кулиш, Марко Вовчок (Курило 1960: 10)²⁶.

²⁵ Синтезувати довгий і складний процес творення української літературної мови в галузі правопису, фонетики, морфології; унормувати, що можна й треба, не порушуючи міжговіркового характеру її. Як знати, в новій літературній україн. [ській] мові є елементи різних народніх нарічтів, хоч і з перевагою елементів південно-східніх.

²⁶ Як же наблизити українську літературну мову до народньої, як зберегти її «дух», її індивідуальні прикмети? Як навчитися думати по-українському і не збиватися на чуже? Треба уважно читати українських класиків слова, вважати на їх мову, відзначити в ній своє, українське, найбільше синтаксичні та фразеологічні явища в мові... Чуття мови йде в наших кращих представників слова здебільшого одним шляхом: воно висовує своє, одмітне. Так стилізували українську народню мову Квітка-Основьяненко, Куліш, Марко Вовчок.

Впрочем, список авторов, из чьих произведений она черпает примеры, с течением времени претерпел ряд изменений: так, в предисловии к очередному изданию своего учебника «Начальная грамматика украинского языка», апеллирующего преимущественно к произведениям центральноукраинских авторов (начала и середины XIX в.: Л. Глебова, Т. Шевченко, П. Грабовского и др.), О. Курило особо отмечает наличие нового материала из более поздних произведений, в том числе Л. Украинки, М. Коцюбинского, И. Франко, а также ряда менее известных писателей (Курило 1921: 5). Надо сказать, что не все современники считали выбор литературных образцов О. Курило безусловным. Так, П. Бузук, парируя выпады Н. Сулимы, упрекавшего его в наличии речевых ошибок в учебнике «Краткая история украинского языка» (1924), отмечает: «Все недочеты современного украинского литературного языка она [О. Курило] по большей части выискивает в рукописных трудах неизвестных авторов и в журналах и вовсе не отмечает, что все они часто встречаются и в языке известных украинских писателей и ученых»²⁷ (Бузук 1924: 251).

В свою очередь, для О. Синявского именно культурно-речевая практика ключевых фигур украинского художественного слова является основным критерием правильности и уместности конкретного языкового факта²⁸. При этом в «Нормах...» набор

²⁷ *Всі вади сучасної української літерат. [урної] мови вона здебільшого вишукує в рукописних працях невідомих авторів та в часописах і зовсім не зазначає, що всі вони часто подібуються й у мові відомих українських письменників та вчених.*

²⁸ Вот, например, его комментарий к орфографическому оформлению слов типа *сил(в)ний, біл(в)ний* с мягким знаком или без (исходя из наличия среднелитовского л): «Именно поэтому правописание слов долгое время специально не оговаривалось и раньше в таких словах часто писали л без ь, напр., у Квитки-Основьяненко и Шевченко то и дело встречаем *білше, далиш, силно* и др. И это было, конечно, ближе к живому произношению и лучше, чем нынешнее написание» (*Тим то правопис слів довго й був неусталений і раніш у таких словах частіше писали л без ь, напр. у Квітки-Основ'яненка, Шевченка раз-у-раз було білше, далш, силно і т. ін. І це було, звичайно, ближче до живої вимови і краще, ніж теперішні написи*) (Синявський 1941: 19).

авторов, язык которых можно считать образцовым, оказывается несколько шире, чем у О. Курило. Помимо авторов, уже вошедших в литературно-языковой канон (Т. Шевченко, Г. Квитка-Основьяненко, П. Мирный, Л. Украинка и др.), лингвист апеллирует в своих нормативных оценках также к примерам из произведений современных ему авторов: П. Тычины, О. Олеся, О. Вишни, М. Рыльского и др. Вполне возможно, что это связано с более поздним появлением грамматического пособия О. Синявского, однако и различия культурно-временной ориентации лингвистов полностью исключить нельзя.

Само понятие узуса в работах О. Синявского трансформируется с учетом культурно-литературной практики: «Намного важнее (разумеется, и намного сложнее) привести удачную формулу, которая в максимальной степени соответствовала бы украинскому языку и литературному узусу и в минимальной степени ломала бы традицию»²⁹ (Синявський 1926: 2). В том случае, если возникает разночтение между живой разговорной (диалектной) практикой и образцовыми текстами, предпочтение отдается именно литературным образцам. Так, исходя из отсутствия глагольных форм 2 спряжения 1-го л. ед. ч. без чередований типа *ходю, нося* у «основоположников нового литературного языка» О. Синявский признает их употребление в книжном языке нежелательным (Синявський 1941: 63). Он прямо заявляет:

Вводя конкретную грамматическую форму... составитель всегда руководствовался следующими мотивами: 1) чтоб эта норма была естественной для большей части народного языка; 2) чтоб она была привычной в произведениях лучших украинских писателей; 3) чтоб она была лучше, удобнее с точки зрения развития, совершенствования языка. Если нельзя было учесть все требования, то преимущество отдавалось традиции (Синявський 1922: IX)³⁰.

²⁹ *Далеко важніше (звичайно й далеко важче) подати влучну формулу, що в як-найбільшій мірі відповідала б і вкраїнській мові і літературному usus-ові і в як-найменшій мірі ламала-б традицію.*

³⁰ *Заводячи ту чи іншу граматичну норму... упорядник завжди виходив з таких мотивів: 1) щоб ця норма була природна для найбільшої*

4.3. Маркирование архаизмов и заимствований в ходе кодификации

Изменение отношения к архаизмам и заимствованиям П. Векслер относит к основным факторам динамики в развитии украинской литературной нормы в довоенный период (Wexler 1974: 40–45). Для украинских нормализаторов 1920-х гг. обращенность в прошлое была связана прежде всего с поиском золотого века в истории национальной литературы и языка, а также со стремлением очистить язык от новых, нежелательных и привнесенных извне влияний:

Когда современный украинский литературный язык, особенно научный... отходит от своего естественного источника — народной основы, где действуют иные психические ассоциации, и идет по чужой для себя тропе, по которой следует русский литературный язык, он становится неестественным и искусственным, переставая быть украинским языком (Курило 1960: 8)³¹.

Сознательное дистанцирование от языков, традиционно конкурирующих с украинским в культурной и научной коммуникации, русского и польского, является одним из важных нормативных ориентиров для О. Курило, ориентирующейся на практику «старых украинских писателей». При этом исследовательница, прекрасно владеющая и польским, и русским языками, последовательно выступала за корректное проведение сопоставительного анализа³²,

частини народної мови; 2) щоб вона була звичайна в творах найкращих українських письменників; 3) щоб вона була краща, вигідніша з погляду поступу, удосконалення мови. Звісно, що як коли не можна було погодити всі вимоги, то перевага віддавалася традиції.

³¹ *Коли сучасна українська літературна мова, здебільшого наукова... відбігає свого природного джерела — народної підстави, де є інші психічні асоціації, і набігає чужої собі тропи, що нею йде російська літературна мова, то вона стає в такій мірі неприродною й штучною, що перестає бути українською мовою.*

³² Так, например, она отказывается признавать, вслед за О. Синявским, фонетическое смягчение переднеязычных перед *i* русским влиянием, квалифицируя эту фонетическую черту как диалектизм

а выявление реальных функционально-семантических сходств с польским языком не служило поводом для стилистического маркирования форм и конструкций, как в случае с безличными конструкциями на *-но*, *-то* (Курило 1923б: 250) или адъективированными причастиями на *-лий* (Там же).

Очевидно, что О. Синявский придерживался в отношении архаизмов другой точки зрения. Так, рассуждая о синтаксисе, он формулирует два необходимых требования к норме научного языка: «Не за архаизмами надо гоняться без учета их пригодности к требованиям современного мышления... но все возможности народного языка следует употребить на обогащение книжного языка более совершенными и удобными с точки зрения экономии психической энергии средствами выражения различных мыслей со всеми необходимыми оттенками»³³ (Синявський 1922: 109). Далее автор замечает по поводу заимствований, что в этой сфере «особенно ярко видно, что из чужих языков можно брать лишь нужное, полезное и необходимое»³⁴ (Там же: 110). В целом О. Синявский довольно осторожно формулирует нормативные установки, связанные с (не)допустимостью заимствований, констатируя следующее:

Плод поколений писателей, украинский книжный язык в последнее время вступает в новую для него, но обычную

(Курило 1923б: 248), подчеркивает неполное функционально-семантическое соответствие русских и украинских частиц и местоимений (Там же: 249). Ей принадлежат важные замечания контрастивного характера об украинской и русской фразеологии, см. составленный ею на базе словаря Б. Гринченко фразеологический словарь, помещенный в приложении к «Заметкам...» (Курило 1960: 145–169).

³³ *Не за архаїзмами треба ганятись без огляду на їх придатність до потреб сучасного мислення... але всі можливості народньої мови треба зужити на збагачення книжної мови доскональними, вигідними з погляду економії психічної енергії способами висловлювати різні мислі з усіма потрібними відтінками.*

³⁴ *На синтаксі особливо яскраво видно, що з чужих мов можна брати лише необхідне, корисне й потрібне.*

для літературного мови фази буття: він стає живою мовою всієї інтелігенції, мовою школи, науки, державних і суспільних установ, одним словом — тем умовним міждіалектним і наддіалектним мовою, який втілює в собі єдність народу, будучи загальним органом останнього — з однієї сторони, і внедряє в народ зовнішні культурні впливи, будучи посередником між українським народом і іншими народами — з другою (Синявський 1922: VI).³⁵

Полемически заострено звучить інший його тезис: «Без шкоди для народу його (літературний мови) не можна замкнути в межах самої народності — мови народу. Вимагати цього (мови Шевченка!) — значить свідомо або несвідомо огорожувати народ китайською стіною»³⁶ (Там же: VII); іронічна вставка по-роски (мови Шевченка) прямо звернена проти пуристських принципів нормування. Однак, як ми намаємося показати на прикладі оцінки конкретних мовних фактів, О. Синявський в певних випадках керувався саме ними, рекомендує уникати як раз тих форм, які збігалися з роскими або виникли під впливом роского мови.

³⁵ *Витвір поколінь письменників, українська книжна мова останніми годинами вступає в нову для неї, але звичайну для літературної мови фазу буття: вона стає живою мовою цілої інтелігенції, мовою школи, науки, державних і громадських установ, одним словом — тою умовною міждіалектною й наддіалектною мовою, що визначає собою єдність народу, будучи спільним органом останнього — з однієї сторони, і внедряючи в народ позанародні культурні впливи, посередничаючи між народом українським і народами іншими — з іншого. Через цю мову (поза іншими способами) в український народ увіходять культурні здобутки інших народів, через неї ж виявляє й свої культурні цінності український для поколінь інших і своєї.*

³⁶ *Без шкоди для народу її (мову) не можна замкнути в межах самої народності — мови народу. Вимагати цього (Шевченковський мови!) — значить, свідомо чи несвідомо обводити народ китайським муром.*

5. От деклараций к практике: языковое регулирование в формообразовании

В ходе грамматической кодификации 1920-х гг., важными фактами которой стали работы О. Синявского и О. Курило, определился также набор грамматических явлений, ставших предметом особенно острых дискуссий о характере нормы. Заметим, что оба пособия, выражающие нормативные установки, не только регулируют узус, но и фиксируют существующее состояние языка, отражая богатство языкового инвентаря. Это как раз тот случай, когда, по мнению Э. Хаугена, «мы уже не можем считать... что целью языкового планирования обязательно является построение абсолютно единообразного кода — как во времени, так и в пространстве... Можно планировать как разнообразие, так и унификацию, как изменения, так и стабильность» (Хауген 1975: 450).

5.1. «Нормы украинского литературного языка»

О. Синявского: нормативная оценка

vs. языковое разнообразие

Реализуемый в пособии О. Синявского подход к нормированию системных вариантов задал важный вектор украинской кодификации, обеспечив ее эластичность в качестве одного из базовых принципов. Так, О. Синявский в своем разделении существительных по типам склонения исходит из их родовой принадлежности, однако никак дополнительно не маркирует параллельные формы мужского и женского рода типа *гуц — гуца, капелюх — капелюха* ‘шляпа’, *скрут — скрута* ‘трудности, тяжелые обстоятельства’, *роздум — роздума*, отмечая лишь, что разные окончания могут свидетельствовать о принадлежности слова к разным типам склонения (твердому или мягкому), как в *стодола — стодоля* ‘рига’, или к разным склонениям, как в *блакит — блакить* ‘голубизна’ (Синявский 1941: 40). При этом — что явно выделяет работу О. Синявского — автор активно вводит в текст пособия неологизмы (например, при рассмотрении склонения существительных мужского рода на *-р*); их неустойчивый статус в системе подчеркивается наличием исходных латинских лексем: *інвентар* (лат. *inventarium*), *пролетар* (лат. *proletarius*), *секретар* (лат. *secretarius*), *нотар* (лат. *notarius*).

Констатация вариативности без попыток дополнительной нормативной оценки форм преобладает также в целом ряде других случаев. Так, при разборе окончаний пред. пад. ед. ч. перечисляются параллельные формы существительных мужского рода с окончаниями *-i / -у* без регулирующих нормативных указаний: *на ставі — на ставу* ‘на пруду’, *у потязі — у потягу* ‘в поезде’, *на школярі — на школяру*, то же в среднем роде: *на сонці — на сонцю*, отмечается лишь частотность окончания *-ові* у одушевленных существительных (*на батькові* ‘на отце’), о том, что «можно» употреблять *-ові* и с неодушевленными существительными, говорится лишь однажды (Синявский 1941: 46).

Похожим образом обстоит дело с твор. пад. мн. ч. Примечательно, что приведенный в пособии перечень основ, для которых характерно параллельное использование архаичных окончаний наряду с узуальным *-ами*, в целом совпадает со списком, приводимым практически во всех современных учебниках украинского языка: *кіньми, гістьми, чобітьми* ‘сапогами’, *коліньми, слізьми* (звичайніше *сльозами*), а также *ворітьми, сіньми, курми, гусьми, дітьми, людьми, саньми*, из которого следует исключить, пожалуй, лишь *свиньми* и *дівчатьми*. Аналогично обстоит дело с окончанием *-има*: *око — очима* ‘глаз — глазами’, *плече — плечима, вуха — ушима* (*i вухами*), в том числе в существительных *pluralia tantum* *грошима* (*i грішми*) ‘деньгами’, *грудима* (*i грудьми*), *дверима* (*i дверми*) (Там же: 49). Заметим, что уже для автора пособия эти окончания маркированы как архаичные, что дает ему основания для прогноза (впрочем, не оправдавшего себя) об их возможном скором подчинении доминирующим формам на *-ами*.

При этом дополнительные маркеры уместности или допустимости той или иной формы не вводятся, автор ограничивается лишь указанием на то, какой тип существительных «обычно принимает» данное окончание, когда оно «бывает» или «встречается, случается, употребляется» в «литературном языке» и в «народной речи». Яркой иллюстрацией тезиса о стремлении автора пособия зафиксировать узус во всем его многообразии является раздел о местоимениях. Сначала О. Синявский вычленяет нормативные общелитературные (*загальнолітературні*) формы, а затем приводит довольно внушительный перечень вариантов, снабженных

дополнительными маркерами: которые «живут в народных говорах» (*живуть по народніх говорах*), а также тех, которые «частенько встречаем в поэзии» (*частенько подибуємо в поезії*), вводя их фактически во все разряды местоимений: притяжательные: *мого* — *мойого* 'моего'; *моєму* — *мойому, мойму, мому* 'моему'; указательные и определительные: *тієї* — *тої, тій, теї* 'той' род. пад. ед. ч.; *тією* — *тою, тію* 'той' твор. пад. ед. ч., особо выделяя узкие локализмы: *твоєї* — *твеї* 'твоей' род. пад. ед. ч., *твоєю* — *твею* 'твоей' твор. пад. ед. ч.; *мене* — *м'я* 'меня'; *мені* — *ми* 'мне'; *його* — *го* 'его'; *той, та, те* — *тот, тота, тоте* 'тот, та, то'; *усіма* — *усімі* 'всеми'; *увесь* — *усей* 'весь' (Синявский 1941: 58).

Аналогичным образом построен раздел о числительных: автор фиксирует различные морфологические варианты, отмечая факт большей или меньшей употребимости той или иной формы, что и служит основанием для дальнейших рекомендаций. Так, при склонении числительных от 5 и выше узуальными признаются формы с окончаниями *-ох, -ом, -ьма, -ох* (типа *п'ятьох, п'ятьом, п'ятьма, п'ятьох*), но отмечается также возможность более редкого употребления форм с окончанием *-и* в род., дат. и пред. пад. (типа *п'яти*) (Там же: 59).

Относительно склонения числительных, обозначающих сотни, отмечается, что они могут как принимать (новые) отдельные формы (*рад п'ятьом стам карбованцям*), так и сохранять свою слитную (архаичную) исходную форму (*з п'ятсот людьми*). При этом нормативный комментарий, регулирующий употребление форм, касается именно их употребительности, предпочтительность устанавливается исходя из порядка их упоминания (Там же: 59).

5.2. Системно-языковые критерии нормативной оценки

Роль нормативной оценки вариантных форм в грамматике О. Синявского не следует, однако, преуменьшать; напомним, что «Нормы...» призваны были служить методическим пособием для учителей. В этом смысле показательны рассуждения лингвиста о распределении окончаний *-а* и *-у* в род. пад. ед. ч. существительных мужского рода. Выделение семантических групп, в которых отдается предпочтение конкретному окончанию

(как *-а* для одушевленных или *-у* для абстрактных, собирательных и коллективных существительных), сопровождается в грамматике констатацией (на которую редко решаются современные грамматисты) того, что «далеко не все существительные мужского рода по своему значению явно относятся к первой или второй категории, т. е. к тем, которые обозначают оформленные предметы, или к тем, которые обозначают неоформленные вещества, абстрактные понятия и т. д. Именно поэтому приведенные правила относительно употребления *-а* (*-я*) или *-у* (*-ю*) в существительных мужского рода в родительном падеже не охватывают полностью их всех, и существует немало из них таких, которые в родительном падеже принимают одно из этих окончаний, хотя полностью совпадают с ними по значению, а другие принимают второе, и даже таких, которые могут принимать и первое, и второе» (Синявский 1941: 42)³⁷; в пример приводятся существительные с пространственным и временным значением (ср. *до ранку* 'до утра' / *до вечора, берега, кряжа / лісу, степу*), для разграничения которых позже был добавлен структурный критерий (*ставу*, ср. *став-к-а*).

О. Синявский пытается применить семантический принцип также для разграничения вариантных окончаний существительных 2-го склонения в вин. пад. мн. ч., утверждая, что форма винительного падежа омонимична форме именительного падежа в украинском языке не только для существительных, обозначающих предметы, но и животных (в отличие от личных имен), т. е. *на дуби, по коні, про корови, за телята, но на ковалів* 'на кузнецов', *про гостей, за молодлиць, на хлопців* 'на мальчиков' (Там же: 49). Отмечая возможность параллельного употребления в аналогичных

³⁷ *Далеко не всі іменники чоловічого роду своїм значінням належать виразно до першої чи до другої категорії, себто чи до тих, що визначають оформлені предмети, чи до тих, що визначають неоформлені речі, абстрактні теми тощо. Отим і наведені правила щодо вживання -а (-я) чи -у (-ю) в іменниках чоловічого роду в родовому відмінку не охоплюють геть усіх їх, і чимало з них є таких, що в родовому відмінку приймають одно з цих закінчень, хоч зовсім схожі з ними значінням інші приймають друге, а то навіть і таких, що можуть приймати і перше і друге.*

контекстах от анимальных и личных существительных форм вин. пад. мн. ч., как совпадающих с род., так и омонимичных им. пад., автор одновременно ссылается на народную речь (*з вуст народу*) и на произведения художественной литературы (*літературна мова*). Особо выделяет он при этом Т. Шевченко, признавая, впрочем, что случаи употребления вин. пад., омонимичного им., у одушевленных существительных (*хустки на молодиці* 'платки на женщин', *серце люди полюбило* 'сердце людей полюбило') являются признаком индивидуального стиля писателя.

Вариативность окончаний существительных в другом падеже — дат. пад. ед. ч. — переосмысливается автором учебника как связанная с родовой принадлежностью слов и, соответственно, отнесением их к разным типам склонения. Так, в существительных мужского рода безусловное предпочтение отдается окончанию *-ові* как доминирующему в художественной речи; для *-у* же лишь перечислены особые случаи употребления (например, в существительных на *-ов, -ів*) (Синявський 1941: 44). Критерий «специфичности» данной флексии в украинском языке прямо не озвучивается, присутствуя лишь имплицитно.

В свою очередь, сугубо структурный критерий (характер финали) О. Синявский устанавливает для распределения окончаний *-и / -і* в 3-м (женском) склонении, который, впрочем, был применен ограниченно:

Окончание *-и* в родительном падеже единственного числа принимают все существительные этого склонения на *-сть, -рть*, то есть на *-ть* после другого согласного: *до смерти, без дерти, з напасти, злости* и др., а также, в качестве исключения, такие существительные: *осінь, сіль, кров, любов, Русь*, т. е. *до осені, без соли, до крові, від любові, з Руси*. Все другие существительные третьего склонения в родительном падеже единственного числа принимают *-і*: *ніч — до ночі, подорож — без подорожі* (Там же: 50)³⁸.

³⁸ Закінчення *-и* в родовому відмінку однини приймають усі іменники цієї відміни на *-сть, -рть, себто на -ть за другим приголосним*: *до смерти, без дерти, з напасти, злости і т. ін. та ще, як виняток, такі іменники*:

В качестве аргумента, подтверждающего именно такие нормативные рекомендации, О. Синявский ссылается, как и в других случаях, на говоры: «...в народных говорах также еще немало форм с *-и*» (*по народніх говорах теж іще чимало форм із -и*), а также язык художественной литературы, в том числе стихи Т. Шевченко, однако ссылается также на внутреннюю логику языковой системы (наличие наречий типа *почасти, восени*), указывающую на предпочтительность окончания *-и*.

Понятие стилистической уместности (*доречність*) вводится автором грамматики едва ли не впервые применительно к полным (членным) формам прилагательных и местоимений. Так, признается нежелательным употребление форм типа *тую, цюю* в деловой речи, а их использование иллюстрируется исключительно примерами из поэзии (в том числе Т. Шевченко и Б. Гринченко). В свою очередь, подчеркивается, что краткие прилагательные (отмеченные автором как архаичные) привносят в речь «высокий» оттенок: «...придают речи серьезность, торжественность» (*надають мові поважності, урочистоти*) (Синявський 1941: 53), тем самым допускается их использование в деловой речи, но подчеркивается, что они уместны только как своеобразное стилистическое средство³⁹.

Аналогичные замечания касаются глагольного формообразования: так, узуальной (*звичайне*) признается финаль *-ти*, хотя отмечается возможность ограниченного (в художественной речи) употребления «усеченных окончаний» глаголов *-ть*, более строгие ограничения: «не следует» (*не слід*) — касаются только (диалектных) форм типа *печи, пекчи* вместо *пекти*: «Краткие окончания глаголов *-ть* допустимы только в художественной речи, как, например: *казать, хотіть*. Не следует употреблять такие

осінь, сіль, кров, любов, Русь, *отже* до осені, без соли, до крові, від любові, з Руси. *Усі інші іменники третьої відміни в родовому відмінку однини приймають -і*: ніч — до ночі, подорож — без подорожі.

³⁹ «Уместны... лишь на своем месте как своего рода стилистическое средство» (*Слушині... тільки на своєму місці як певний стилістичний засіб*) (Синявський 1941: 53).

глаголы, как “печи” или “пекчи”, вместо “пекти” и т. д.»⁴⁰ (Синявский 1941: 60–61).

Указания, касающиеся спряжения глаголов в настоящем и будущем времени и их распределения по типам спряжения, в целом совпадают с современными нормативными рекомендациями. Как и в других разделах пособия, ряд форм оцениваются как предпочтительные, исходя исключительно из большей употребимости их в узусе: так, синтетические формы будущего времени с *-му*, *-меш* признаются более распространенными (а значит, и желательными) по сравнению с аналитическими формами со вспомогательным глаголом *бути* (Там же: 65). Особо отмечается необходимость различия окончаний 1 и 2 спряжения глаголов в настоящем времени, вопреки смешению безударных *e* и *и* в устной речи, «из-за чего иногда их смешивают на письме»⁴¹ (Там же: 63); именно в этом фонетическом явлении усматривает автор причину смешения «нормального» для 2 спряжения окончания *-ить* (*-iitʲ*) и обычного для 1 спряжения *-е* (*-e*). Примечательно, что здесь не появляется ожидаемого регуляторного комментария относительно диалектного характера этого смешения. Хотя относительно распространенности в речи усеченных окончаний 3-го л. мн. ч. *-а* (*e*) типа *гуля*, *співа* ‘поет’ (вместо *гуляє*, *співає*) О. Синявский отмечает как раз тот факт, что они «широко распространены в народной речи, а в литературном языке употребляются только в стихах»⁴² (Там же: 63).

Особо оговаривает автор грамматики случаи формообразования, характерные для западноукраинской литературной практики. Так, например, в пособии отмечается западная специфика изменения возвратных глаголов 1 спряжения, в частности наличие форм без *-ть* (типа *береся*, *бересь*) и возможность препозиции *-ся*, однако такое формоупотребление никак дополнительно не оценивается

⁴⁰ *Скорочені закінчення дієйменників -ть допускаються тільки в красному письменстві, як от казать, хотіть. Не слід уживати таких дієйменників, як «печи» або «пекчи» замість «пекти» тощо.*

⁴¹ *Через що їх іноді плутають і на письмі.*

⁴² *Широко відомі народній мові, але в літературній мові вживаються тільки в віршах.*

в категориях нормы / уместности (Синявский 1941: 64). На этом фоне особенно примечательны апелляции автора к носителям западных украинских говоров с просьбой избегать ошибок, вызванных фонетическими причинами, например при спряжении глаголов в настоящем времени: не смешивать твердый и мягкий *р* в основе, сохранять мягкость согласного в основах глаголов 2 спряжения (типа *варю*) и под. (Там же: 64). О. Синявский выделяет западные регионализмы (*льокалізми*) как нежелательные в нормированной речи также в других разделах пособия, посвященных глагольному формообразованию. Так, за рамки нормы выводятся формы будущего времени с причастной по своему происхождению формой на *-в* (типа *буду ходив*) (Там же: 65) и связанные с перфектом формы прошедшего времени с реликтами вспомогательного глагола (типа *ходила-м си*). Несмотря на подкрепление статуса таких форм как диалектной, так и литературной практикой, причем не только западноукраинской (Там же: 66), их употребление в общелитературном языке признается нежелательным.

5.3. Роль критериев «архаичности» и «исконности» в кодификации форм

Рекомендации нормативного характера относительно (не)желательности употребления тех или иных форм, высказанные в пособии О. Синявского, нередко сопровождаются замечаниями об их архаичности. Маркированными как архаичные и тем самым находящимися на периферии нормы оказываются, в частности, краткие формы (предикативных) прилагательных (типа *рад*), указательное местоимение *сей* (вместо *цей*), хотя в качестве поддерживающих форм для последнего варианта приводятся узальные (для того времени) образования: *сьогочасний* 'современный', *у сей час* 'в это время', *сього року* 'этого года' и некоторые другие. Констатируя недостаточную нормированность образования степеней сравнений прилагательных (Там же: 54)⁴³,

⁴³ «Способ образования прилагательных второй степени в целом сложен, запутан и не до конца определен» (*Спосіб творення прикметників другого ступеня взагалі досить складний, поплутаний і не цілком усталений*) (Синявский 1941: 54).

автор предлагает разграничить суффиксы *-ш-* / *-иш-* как вариантыные способы адъективного формообразования, маркированные на временной оси. По мнению О. Синявского, суффиксы, противопоставленные как старые / новые, привносят дополнительные оттенки значения, например в парах: *молодший* — *молодіший* и под., где новые формы уточняют и сужают значение производного. Впрочем, с точки зрения нормы для автора они равноправны; так, в грамматике приводятся довольно длинные вариантыные ряды форм: *гіркий* — *гірший* — *гірчіший* — *гіркіший*, *швидкий* — *швидший* — *швидчіший* — *швидкіший* ‘быстрый — быстрее’, при этом ни одна из них дополнительно не маркирована. Более того, новые (разговорные?) формы типа *хутчіше* ‘быстрее’, *дужчіше* ‘больше’, *важчіш* ‘труднее’, *кращіший* ‘лучший’ и под. оцениваются автором не с точки зрения правильности и уместности, а с перспективы дальнейшего развития языковой системы (так, делается вывод о том, что суффикс *-ш-* утрачивает свои доминирующие позиции в этой сфере формообразования). Исключительно как частотные (а не правильные / уместные) оцениваются также появляющиеся в узусе формы превосходной степени, образованные без применения суффиксации (типа *найсвятій*).

Пожалуй, реже всего прибегает О. Синявский к последнему нормативному ограничителю: маркированности формы как возникшей под влиянием других (чаще всего русского или польского) языков. К таким отклонениям от литературной нормы автор относит, в частности: смешение окончаний прилагательных и существительных женского рода в основах на шипящий (правильно, без смешения: *свіжою їжею* ‘свежей едой’), контаминацию окончаний прилагательных смешанного типа в мужском и женском роде (правильно: *гарячий день* — *у гарячій воді*), а также смешение окончаний прилагательных женского рода в род. и дат. / пред. пад. ед. ч. (правильно: *тютюнової фабрики* / *(на) тютюновій фабриці* ‘табачной фабрики / (на) табачной фабрике’), а также усечение окончания прилагательных женского рода в род. и твор. пад. ед. ч. (правильно: *білої, білою*). Методически оправданным следует признать указание на слабые места в системе, подверженные возможной интерференции без перечисления самих ошибочных форм, которые, очевидно, были

отмечены исследователем в ходе преподавания украинского языка в русскоязычной аудитории. Заметим, что приведенный пассаж относится к весьма немногочисленным в учебнике прямым указаниям на нежелательность иноязычного (в частности, русского) влияния.

В целом грамматическое пособие О. Синявского носит практический характер с отчетливо заметной нормативной составляющей, но при этом автор также вводит (ограниченно) исторические комментарии (напр., применительно к образованию форм прошедшего времени), привлекает ряд сведений общетеоретического характера (применительно к виду глагола), активно апеллирует к семантике, пытаясь выделить различные способы проявления длительности в формах глагола (способы глагольного действия: Там же: 68–70), а также подробно останавливаясь на значениях, приносимых глагольными префиксами (так, префиксу *по-* посвящен отдельный раздел: Синявский 1941: 72–74).

Среди критериев нормативности, используемых для решения вопроса о выборе общелитературной формы из некоторого набора вариантов, на первом месте для О. Синявского оказывается факт использования данной формы в произведениях художественной литературы как XIX, так и XX вв. Маркерами, свидетельствующими о перемещении формы на периферию нормы, для автора является связь с диалектным узусом, в том числе узкорегionalным, а также ее архаичность. Только один критерий однозначно свидетельствует о ненормативности формы: ее связь с другими языками, однако этот аргумент используется в пособии крайне редко.

5.4. Критерии нормативной оценки в пособии О. Курило «Заметки о современном украинском литературном языке»

Несколько иначе выглядит иерархия критериев нормативности в практическом пособии О. Курило, носящем гораздо более ярко выраженный полемический характер. Автор основное внимание уделяет лексике и фразеологии, однако останавливается также на некоторых морфологических проблемах, выделяя те категории и формы, которые имели (и имеют) важное значение для нормализации грамматики. Это делает порядок изложения

в пособии несколько непривычным (с точки зрения систематической грамматики), так, первый же раздел посвящен действительным причастиям или, в терминологии О. Курило, отглагольным прилагательным на *-чий* (*-щий*), *-ший*, которые, по мнению автора, нехарактерны для украинского литературного языка (прилагательными, кстати, их считал и О. Синявский). Доказательства принадлежности слов типа *трудоющий* к разряду прилагательных автор черпает как из сферы семантики (у них нет указания на время протекания действия, зато есть указание на постоянный признак), так и акцентуации (в большинстве случаев суффикс оказывается ударным) и словообразования (стяжение гласного в основе: ср. *співучий* и *співаючий*), но прежде всего функционирования. Так, О. Курило отмечает, что украинские отглагольные прилагательные, выступая в функции определения, предиката или субъекта, как правило, не способны выполнять апозитивно-предикативную функцию, свойственную русским причастиям, в этом случае в украинском языке предпочтение следует отдавать описательным оборотам (Курило 1960: 11–19). Примеры для иллюстрации своей мысли автор черпает из украинских классических словарей (Б. Гринченко, М. Номиса), а также литературных произведений (П. Кулиша, И. Котляревского, М. Вовчок). Рекомендую своим читателям заменять причастные обороты описательными конструкциями с глаголами, О. Курило приводит также примеры из украинских переводов Евангелия, отдавая при этом явное предпочтение Ф. Морачевскому, «обладающему чутьем народного языка», а не П. Кулишу или М. Лободовскому, злоупотребляющим причастиями и причастными оборотами (для сравнения: «і бачить тривогу, і плачущих, і голосящих гучно» у К. [уліша] ср. «і бачить, що усі в тривозі, і плачуть, і голосять дуже» у М. [орачевського] — ‘и видит смятение и плачущих и вопиющих громко’ (Мк); «когого (раба) пан застане роблючим отак» у Л. [ободовського] ср. «найде, що він так робить» у М. [орачевського] — ‘[Блажен раб тот], которого господин его, придя, найдет поступающим так’ (Там же: 19); выделение наше. — О. Ост.). Как прилагательные рассматривает О. Курило также отглагольные образования на *-лий* (типа *прибулий*, *набряклий*), утратившие свою способность указывать на протекание действия

во времени и выполнять апозитивно-предикативную функцию, в отличие от русских причастий прошедшего времени на *-(в)ший* (Курило 1960: 19–22).

В отличие от учебника О. Синявского, грамматическое пособие О. Курило носит ярко выраженный контрастивный характер, сопоставление последовательно производится как с русскими, так и с польскими формами с преобладанием первых. Так, особый раздел в пособии посвящен способам передачи русских причастий на *-мый* (Там же: 22–24), среди которых явное преимущество отдается украинским прилагательным на *-ний*, тем самым фиксируется факт отсутствия подобных образований в системе украинского языка. Свои рассуждения о прилагательных и причастиях на *-ний (-тий)* О. Курило сопровождает не только замечаниями об условиях и морфолого-синтаксических последствиях адъективации последних, но и соображениями о нормативных предпочтениях при использовании параллельных форм: так, из вариантов на *-аний / -ений* и *-тий / -ний* соответствующим норме признается последний в силу «литературной традиции» (Там же: 25). Особый небольшой раздел посвящает О. Курило непосредственно культуре речи, выделяя кальки из русского языка и неправильные лексемы, возникшие под влиянием русского языка (Там же: 132–135).

В центре внимания в пособии О. Курило оказываются прежде всего морфолого-синтаксические и стилистические особенности украинского языка, что влияет на отбор нормативно значимых языковых фактов. Помимо причастий, объектом анализа в работе стали деепричастия и деепричастные обороты (Там же: 26–33), а также безличные конструкции с причастными формами на *-но, -то* (Там же: 34–45). Активно привлекаемый диалектный и литературный материал позволил автору сформулировать рекомендации нормативно-стилистического характера, призывающие, в частности, к замене деепричастных оборотов предложными конструкциями с существительными (*читаючи — при читанню*). Здесь же появляются довольно резкие ограничения на употребление, в частности, деепричастий на *-а (-я)*, типа *ходя, сидя* (примеры из произведений Т. Шевченко), однако, как отмечает О. Курило, «в литературном языке их употребление

невозможно»⁴⁴ (Курило 1960: 29). Неприемлемым признается в научной (но не в художественной) речи также употребление обособленных деепричастий, связанных с подлежащим (субъектом) (типа *Поздоровляю тебе засватавшись*), из-за опасности затемнения смысла высказывания (Там же: 29). Та же причина (семантическая неточность) служит основанием для признания нежелательными конструкций с действительными деепричастиями и зависимыми словами в ситуации, когда их можно заменить на аналогичные по смыслу предложно-падежные конструкции (типа *читаючи = при читанню*) (Там же: 30).

6. Дальнейшая судьба нормативных рекомендаций О. Курило и О. Синявского

Пересмотр норм в соответствии с новыми установками в языковой политике в 1930-е гг. затронул, среди прочего, установленные украинскими грамматистами критерии нормативной оценки, объявленные «мертвыми», «консервативными» и искажающими «современный украинский язык, живой язык практики трудящихся масс Украины»⁴⁵. Провозглашенный поворот в сфере нормирования означал, в частности, сознательное снижение роли собственно украинских (внутри)языковых ресурсов, прежде всего фактов диалектной и разговорной речи. Так, отдельная резолюция Народного комиссариата образования, посвященная грамматическим вопросам, директивно утверждала распространенность действительных причастий типа *існуючий* ‘существующий’, *пануючий* ‘господствующий’, *меншовикуючий*, которые, в частности, в работе О. Курило выводились за рамки украинской нормы, как и возможность употребления творительного падежа со значением субъекта в безличных конструкциях с *-но*, *-то*; допустимость пассивных конструкций (типа *книжка друкується* ‘книга печатается’) и др. Смена вектора в нормировании языка зафиксировала

⁴⁴ У літературній мові виключена можливість їх уживання.

⁴⁵ Що перекручують сучасну українську мову, живу мову практики трудящих мас України (Українська мова 2005: 110).

трансформацию представлений о языковом идеале: проявлявшееся в лингвистических работах 1920-х гг. внимание к народной (диалектной) речи и этнографическому материалу, к архаическим пластам речи в 1930-е гг. получило оценку как «фальсификация фактов украинского языка, которая тянет процесс развития языка в далекое феодальное прошлое»⁴⁶.

Резкий поворот, декларированный в научно-популярных, идеологических и собственно лингвистических работах, сопровождался запретом на использование подготовленных в 1920-е гг. словарей и грамматик, в том числе работ О. Синявского и О. Курило. Однако, как показывает внимательное прочтение обоих пособий, во многих сферах нормализаторские рекомендации лингвистов сохраняли свою силу и в последующий период, а часть сознательно отвергнутых регуляторных ограничений была возрождена после обретения Украиной независимости в 1991 г. Этот возврат к нормативным установкам 1920-х гг. произошел, однако, уже на принципиально новом витке развития нормы, для которого характерен специфический подход к критериям языковой правильности, при котором реальные процессы языкового употребления не считаются достаточным критерием нормы, вместо этого предлагается так называемая аналитическая норма, являющаяся созданием специалистов (Єрмоленко и др. 1998: 220).

7. Заключение.

Общее и различное в нормализаторских установках О. Курило и О. Синявского

Сопоставление критериев нормативности в пособии О. Курило с набором маркеров правильности, используемых О. Синявским, позволяет выделить целый ряд регуляторных принципов, общих для обоих кодификаторов. Очевидно, что для языкового идеала этого времени характерны особое внимание к узусу, общий демократизм языковой нормы, допустимость широкой вариативности при опоре на реальную речевую практику. Правда, иерархия

⁴⁶ *Ідеї..., що фальсифікують факти української мови, що тягнуть процес розвитку мови в далеку феодальну давнину* (Українська мова 2005: 219).

двух основных составляющих образцового узуса могла быть разной: у О. Синявского на первом месте оказывается художественное слово, а у О. Курило — этнографические примеры и народная (диалектная) речь. Сходные позиции занимают авторы двух рассмотренных грамматических пособий также относительно оценки стилистической уместности архаизмов: формы, маркированные как устаревшие, допускаются лишь в художественной (но не в научной) речи. Если в этом вопросе О. Курило отличается большим либерализмом, то при решении проблемы о допустимости форм, возникших под влиянием других (русского и польского) языков, ее выводы звучат гораздо более категорично: для нее формы и конструкции, не соответствующие духу народной речи, оказываются за пределами украинской литературной нормы, с чем в принципе согласен также О. Синявский.

При кажущемся несходстве позиций исследователей в отношении трактовки конкретных языковых фактов и скрытой полемике по поводу допустимости и желательности, в частности, архаических и народных элементов в научной речи, подготовленные ими грамматики знаменовали важный этап в украинской кодификации, связанный с выработкой научно обоснованных регуляторных механизмов языковой вариативности. Именно им принадлежит решающая заслуга в формулировке научных критериев языковой оценки грамматических вариантов, среди которых особое место занимают распространенность и традиция. Не менее важным следует считать выработку инструментов языкового планирования, включая маркирование (не)желательных элементов в грамматических пособиях, призванных дать ориентиры не только в ходе обучения, но и практического пользования языком (например, при редакторской практике). Представляется также, что именно работы О. Курило и О. Синявского закрепили принципиально открытый, «демократичный» характер украинской литературной нормы (Мечковская 2003: 92–93), состоящий не только в близости стандарта к народной речи, но и в допустимости, приемлемости вариативности (как региональной, так и диахронной) как одного из базовых принципов кодификации.

Литература

- Вакуленко, Глипа 2010 — *Вакуленко Г. М., Глипа Г. І.* Проблеми мовної норми в науковому доробку О. Курило // Репресовані мовознавці: Збірник наукових праць / Під ред. Н. І. Бойко. Ніжин: Вид-во НДУ ім. М. В. Гоголя, 2010. С. 48–53.
- Гладкова, Ликоманова 2008 — *Гладкова Г., Ликоманова И.* Языковая ситуация: истоки и перспективы (болгарско-чешские параллели). Прага: Univ. Karlova v Praze, Nakl. Karolinum, 2008.
- Гузар 2003 — *Гузар О. В.* Майбутнє українського правопису на тлі орфографічних змін у європейських мовах // Українська мова. 2003. № 4. С. 115–123.
- Єрмоленко и др. 1998 — *Єрмоленко С. С., Харитоновна Т. А., Ткаченко О. Б., Яворська Г. М., Ткаченко В. А., Шамота А. М.* Мова в культурі народу (план-проспект) // Мовознавство. 1998. № 4. С. 3–12.
- Жовтобрюх 1991 — *Жовтобрюх М. А.* Нарис історії українського радянського мовознавства. Київ: Наукова думка, 1991.
- Жовтобрюх, Молдован 2005 — *Жовтобрюх М. А., Молдован А. М.* Украинский язык // Языки мира: славянские языки / Ред. колл.: А. М. Молдован, С. С. Скорвид, А. А. Кибрик и др. М.: Academia, 2005. С. 513–547.
- Запрудські 2013 — *Запрудські С. М.* Беларускае мовазнаўства і развіццё беларускай літаратурнай мовы: 1920–1930 гады. Мінск: БДУ, 2013.
- Масенко 2004 — *Масенко Л. Т.* Доба українізації 20-х років. Концепція мовно-культурної політики Миколи Скрипника // *Масенко Л. Т.* Мова і суспільство: постколоніальний вимір. Київ: Видавничий дім «КМ Академія», 2004. С. 18–30.
- Мельник 2010 — *Мельник Т. П.* Процеси унормування лексики української мови у 20–30 рр. ХХ століття: Автореф. ... канд. філол. наук. Київ, 2010.
- Мечковская 2003 — *Мечковская Н. Б.* Какие даты в истории письменно-литературных традиций наиболее значимы для социолингвистической типологии славянских языков? // Славянские языки: от прошлого к настоящему. К XIII Международному съезду славистов (Любляна, 15–21.08.2003) (= Slavica Tartuensia VI). Tartu: Tartu Ülikool, 2003. С. 81–96.
- Нещименко 2003 — *Нещименко Г. П.* Языковая экономия как импульс динамики номинационной системы // Słowotwórstwo / Nomi-

- nasja / Red. nauk. I. Ohnheiser. Innsbruck: Univ. Innsbruck; Opole: Uniwersytet Opolski, 2003. S. 288–306.
- Німчук 2002 — *Німчук В. В.* Проблеми українського правопису ХХ — початку ХХІ ст. Київ: Національна Академія Наук України. Інститут української мови, 2002.
- Остапчук 2013 — *Остапчук О. А.* Український літературний язык в свете социолінгвістической типології славянських языков // Славянское языкознание. XV Междунар. съезд славистов. Минск, 2013 г. Докл. российской делегации. М.: Индрик, 2013. С. 633–655.
- Попович 2018 — *Попович А. С.* Студії О. Курило, М. Сулими, О. Синявського і С. Смеречинського як підвалини вивчення стилістичної граматики української мови // *Studia Ukrainica Posnaniensia*. 2018. Vol. VI. С. 141–146.
- Русановский 1998 — *Русановский В. М.* Становление нового украинского литературного языка // Славянские литературные языки эпохи национального возрождения / Отв. ред. Г. К. Венедиктов. М.: РАН. Ин-т славяноведения, 1998. С. 74–87.
- Скопненко 2007 — *Скопненко О. І.* Процеси нормалізації в українській та білоруській термінології в 20–30-х рр. ХХ ст.: пуристичний досвід // *Лексикографічний бюлетень: Зб. Наукових праць*. 2007. Вип. 15. С. 15–21.
- Хауген 1975 — *Хауген Э.* Лингвистика и языковое планирование // Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолінгвістика. 1975. С. 441–472. (URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/haugen-75.htm> — дата обращения 20.06.2019.)
- Черемська 2017 — *Черемська О. С.* Харківська та Київська лінгвістичні школи 20–30-х рр. ХХ ст.: два підходи до формування літературного стандарту української мови з погляду Юрія Шевельова // *Science and Education a New Dimension. Philology*. 2017. V (34). Issue 124. P. 19–22. (URL: http://repository.hneu.edu.ua/bitstream/123456789/16330/1/Черемська_Харк. школа. PDF — дата обращения 15.06.2019.)
- Шевельов 1998 — *Шевельов Ю. В.* Українська мова в першій половині двадцятого століття (1900–1941). Стан і статус. Чернівці: Рута, 1998.
- Шевельов 2013 — *Шевельов Ю. В.* Принципи й етапи большевицької політики щодо слов'янських мов у СРСР. Київ: Вид-во ПрАТ «Українська прес-група», 2013.

- Шерех 1954 — *Шерех Ю. В.* Всеволод Ганцов, Олена Курило // Серія «Українські вчені». Ч. 5 / Під ред. Л. Білецький. Вінніпег: Українська вільна академія наук. 1954. С. 39–77. (URL: <https://zbruc.eu/node/42766> — дата звернення 17.06.2019.)
- Danylenko 2008 — *Danylenko A.* The New Ukrainian Standard Language of 1798: Tradition vs. Innovation // American Contributions to the 14th International Congress of Slavists, Ohrid, September 2008. Vol. 1. Linguistics / Ed. by Ch. Y. Bethin. Bloomington: Slavica, 2008. P. 59–74.
- Haugen 1959 — *Haugen E.* Planning for a standard language in modern Norway // *Anthropological Linguistics*. 1959. 1 (3). P. 8–21.
- Wexler 1974 — *Wexler P. N.* Purism and Language. A Study in Modern Ukrainian and Belorussian Nationalism (1840–1967). Bloomington: Indiana Univ Research, 1974.

Источники

- Бузук 1924 — *Бузук П. А.* Відповідь моєму рецензенту // Шлях освіти. 1924. № 9. С. 251–252. (URL: <https://zbruc.eu/node/81205> — дата звернення 18.06.2019.)
- Жовтобрюх 2007 — *Жовтобрюх М. А.* Синявський Олекса Наумович // Українська мова. Енциклопедія. Вид. 3-тє, зі змінами і доповненнями / Під ред. В. М. Русанівського, О. О. Тараненка та ін. Київ: Вид-во «Українська енциклопедія» ім. М. П. Бажана, 2007. С. 620.
- Жуковський 2000 — *Жуковський А.* Українізація // Енциклопедія українознавства. Т. 9 / Під ред. В. Кубійович. Перевидання в Україні (репринтне відтворення видання 1955–1984 рр.). Львів: НТШ, 2000. С. 3327–3329.
- Курило 1919 — *Курило О. Б.* [Рец. на:] *Є. Тимченко.* Українська грамати́ка для III-ої і IV-ої класи шкіл середніх. В-во «Криниця». Київ, 1918 // Вільна українська школа. №. 8–9. Рік другий: 1918–19 шкільний рік. 1919. Березень — квітень. С. 165–169.
- Курило 1921 — *Курило О. Б.* Початкова грамати́ка української мови. Ч. II. (Дослівний передрук київського видання 1918 р.) Львів; Вінниця: Поділля, 1921. (URL: <http://elib.nlu.org.ua/view.html?id=9628>) — дата звернення 19.06.2019.)

- Курило 1923а — *Курило О. Б.* [Рец. на:] *М. Йогансен.* Украинский язык // Записки Історично-філологічного відділу ВУАН. Кн. IV (1923) / Під ред. А. Кримського. Київ: Друкарня Всеукраїнської Академії Наук, 1923. С. 251–254.
- Курило 1923б — *Курило О. Б.* [Рец. на:] *О. Синявський.* Український язык // Записки Історично-філологічного відділу ВУАН. Кн. IV (1923) / Під ред. А. Кримського. Київ: Друкарня Всеукраїнської Академії Наук, 1923. С. 248–251.
- Курило 1960 — *Курило О. Б.* Уваги до сучасної української літературної мови. Вид. 5 (репринт 4-го видання). Торонто: Нові дні, 1960.
- Муромцева 2007 — *Муромцева О. Г.* Курило Олена Борисівна // Українська мова. Енциклопедія / Під ред. В. М. Русанівського, О. О. Тараненка та ін. Вид. 3-тє, зі змінами і доповненнями. Київ: Вид-во «Українська енциклопедія» ім. М. П. Бажана, 2007. С. 300–301.
- Синявський 1922 — *Синявський О. Н.* Порадник української мови перевидання у діаспорі. (Б/м: Howerla, б/р.)
- Синявський 1926 — *Синявський О. Н.* Український правопис // Вісти ВУЦВК. Додаток: «Культура і Побут». 1926. № 36. С. 1–2. (URL: <https://zbruc.eu/node/71504> — дата обращения 25.05.2019.)
- Синявський 1941 — *Синявський О. Н.* Норми української літературної мови. (Київ, 1931.) Львів: Українське видавництво, 1941. (URL: [https://r2u.org.ua/data/other/Норми%20української%20літературної%20мови,%20Синявський%20\(1941\).pdf](https://r2u.org.ua/data/other/Норми%20української%20літературної%20мови,%20Синявський%20(1941).pdf) — дата обращения 27.05.2019.)
- УАН 2000 — УАН: Українська академія наук (Р. М.) // Енциклопедія українознавства. Т. 9 / Під ред. В. Кубійович. Перевидання в Україні (репринтне відтворення видання 1955–1984 рр.). Львів: НТШ, 2000. С. 3335–3340.
- Українська мова 2005 — Українська мова // Українська мова у ХХ сторіччі: історія лінгвоциду / Під ред. Л. Т. Масенко, Л. Масенко, В. Кубайчук, О. Демська-Кульчицька (упор.). Київ: Києво-Могилянська академія, 2005.
- Шевельов 2000а — *Шевельов Ю. В.* Курило Олена // Енциклопедія українознавства. Т. 9 / Під ред. В. Кубійович. Перевидання в Україні (репринтне відтворення видання 1955–1984 рр.). Львів: НТШ, 2000. С. 1240.

Шевельов 2000б — *Шевельов Ю. В.* Синявський Олекса // Енциклопедія українознавства. Т. 8 / Під ред. В. Кубійович. Перевидання в Україні (репринтне відтворення видання 1955–1984 рр.). Львів: НТШ, 2000. С. 2819–2820.

Оксана А. Остапчук: ostapczukoksana@gmail.com